

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Тайна мецената / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-103281-4

Провинциальный художник Вольдемар Огородников просит частного детектива Татьяну Иванову разыскать его картину. Он договорился продать ее богатому англичанину, и как раз во время фуршета по этому случаю полотно украли! Огородников уверен, что сделать это мог только его конкурент, художник Садальский, который якобы давно завидует таланту гениального живописца. Но Татьяна понимает, что Вольдемар — полная бездарность и его картины ничего не стоят. Но что же тогда нужно похитителю?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М. С., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019
ISBN 978-5-04-103281-4

ПРОЛОГ

Большие настенные часы мерно отстукивали секунды, монотонные звуки служили неким угнетающим аккомпанементом к стенам, доносившимся из спальни. Мраморный камин обогревал роскошно обставленную комнату, тогда как за окнами свирепствовала настоящая русская зима. Морозный зимний вечер дополняли завывания вьюги, которая грозила заморозить любого смельчака, неосмотрительно вышедшего за пределы уютного дома, и покидать теплое помещение совершенно не хотелось. Зима задержалась в этот год надолго, словно она и вовсе не собиралась уступать место весне, а намеревалась остаться вплоть до лета, которое наверняка не порадует столь долгожданным теплом.

Но не о погоде сейчас думала Катерина, бежавшая по второму этажу дома к своей хозяйке. В руках у нее был графин с холод-

ной водой — стакан находился в спальне. Ох и напрасно же граф уехал из усадьбы, думала про себя Катерина. Напрасно забрал с собой остальных слуг, оставив жену, которая и так слегла от переживаний и волнений. Теперь же ей становилось с каждым часом все хуже и хуже. Доживет ли госпожа до рассвета? Катерина упорно гнала от себя плохие мысли. Доживет, она должна дожить, не может быть по-другому! Бог не оставит ее, ведь она так истово в него верит, она каждое воскресенье ходит в церковь на службу, в доме столько икон, да и вообще, графиня — очень добрая женщина, она ведь всегда помогает бедным! Почему она должна умирать — вот так, одна, без мужа, в почти пустом и таком унылом сейчас доме?!

Несколько лет назад в особняке постоянно бывали гости, проходили балы, не смолкали звуки фортепиано, на котором умело музицировала хозяйка. Катерина отдала бы все на свете, только б графиня снова села за инструмент, снова сыграла свою любимую сонату — такую трогательную и нежную, берущую за душу. А теперь — нет ни гостей, ни танцев, ни музыки, только завывания вьюги да душераздирающие стоны графини, которая... которая доживет ли до восхода солнца?..

— Катя... Катя, подойди... — расслышала служанка затухающий, как огарок свечи, измученный голос хозяйки. Катерина буквально вбежала в комнату, даже не заботясь о том, как бы не расплескать воду.

— Сейчас, госпожа, сейчас я вам налью воды... — засуетилась девушка.

Катерина была моложе своей хозяйки — ей скоро должно было исполниться двадцать лет, но служила она в доме давно и уже жизни не мыслила без своих господ. Конечно, похорошему, ей давно надо было выйти замуж, но из-за бедности семьи девушке пришлось пойти на службу в дворянскую усадьбу. Да только привязалась Катерина к хозяевам, а в особенности к графине, и совсем не хотелось ей как-то менять свою жизнь. Но сейчас — сейчас уже произошли жуткие необратимые изменения не только в судьбе Катерины и графини, но и в судьбе целой страны. Становилось все тяжелее и страшнее жить, и молодой служанке казалось, что вся ее налаженная жизнь разваливается на части — сначала одни тревожные перемены, теперь — другие. К чему, к чему все это приведет? Неужели Бог, в которого так верили и она, и ее госпожа, позабыл про них? Отвернулся, занялся какими-то другими делами, а их оставил? Неужели это возможно? Это несправедливо, нечестно, ужасно...

— Катя, не надо воды... — услышала молодая служанка слабый голос хозяйки. — Дай мне икону...

Катерина сразу поняла, какую именно икону просит графиня. У нее имелась своя любимая, на которой был изображен лик Богоматери с Младенцем. Катерине тоже нравился этот образ, несмотря на то что икона была очень старая. Но сохранилась она превосходно — поражала своей красотой большая серебряная риза, инкрустированная крупными аметистами и старинной, какой-то особой эмалью, на которой была написана история иконы. Венчик был выложен горным хрусталем, кое-где добавлены другие чудесные самоцветы. Но не за драгоценные камни графиня так любила икону, а за то, что образ Божьей Матери словно источал любовь, доброту и прощение. Катерина не раз видела, как хозяйка разговаривала с иконой, точно та была живым человеком. Она не только просила Богоматерь о чем-то, но и рассказывала ей о своих опасениях, сомнениях, спрашивала совета. Когда графиня обращалась к иконе, окружающие для нее словно переставали существовать, она забывала обо всех, кроме Святого лика. В тот момент на глаза графини часто набегали слезы, однако после своей своеобразной молитвы она успокаивалась и сама словно

становилась возвышенной и неземной, как и Дева Мария. И сейчас, возможно, хозяйка поговорит с иконой, и ей станет легче, и уйдет мучающая ее боль, и исчезнет смятение...

Катерина громко опустила графин на стол, так, что из него даже пролилась вода, бережно, едва ли не со страхом, взяла со специального столика икону, перед которой графиня ставила свечку. Девушка осторожно поднесла икону к кровати бледной, словно полотно, хозяйки. На лбу ее выступил пот, глаза ввалились. Когда-то свежее, такое красивое и молодое, лицо теперь напоминало восковую маску. Катерина знала, что хозяйка всегда молится в одиночестве, и поэтому пыталась установить икону на стул, чтобы графине был виден лик. Но хозяйка только покачала головой и прошептала:

— Катя, не уходи... останься...

Катерина послушно села на стул, по-прежнему с трепетом держа икону. Не уронить ее боялась, а как-то взять неправильно, небрежно, так, что Святая Богоматерь рассердится на нее. Была бы воля Катерины, она и вовсе бы оставила икону на столике, где той и полагается быть. Но сейчас-то молодая служанка подчинялась не святым и не ангелам, а вполне смертной графине, которая просила взять икону, и про себя Катерина надеялась, что ее простят за не слишком почтенное об-

ращение со святыней. Хозяйка не стала читать ни молитв, ни акафистов, которые знала наизусть, а прошептала, обращаясь к Богородице:

— Прости меня, Божия Матерь... Как же я без тебя буду, милая моя, Матерь Божья... Не оставляй меня одну...

Последние слова потонули в страдальческом, полном боли стоне, который графиня не смогла сдержать. Прежде Катерина опасалась, что из-за того, что хозяйка рожала в не слишком подходящем для этого возрасте, ребенок мог родиться мертвым. Но сейчас ей было не до младенца хозяйки — да бог с ним, с ребенком, как ни грешно это говорить! Пусть только графиня жива останется, ведь куда младенцу без матери-то? Одна Катерина не справится, да и не рожала она никогда, опыта у нее никакого... Пусть только хозяйка жива будет...

— Катя... — прошептала с трудом графиня. — Возьми ее... Теперь она с тобой будет, она все слышит, ты только не забывай про нее... Говори с ней почаще, и она тебе помогать будет... Как и мне...

— Да что вы, что вы, госпожа! — запричитала Катерина. — Как же так-то? Нет-нет, не возьму я ее, она ваша, вам пригодится! Да на что мне такая икона, я же простая девушка, не из дворян...

— Катя, возьми, это моя последняя воля... — перебила ее графиня более твердо, но по-прежнему шепотом. — Божья Матерь меня к себе зовет, здесь мой путь окончен... Я за ней пойду, там я и мой сын будем счастливее, чем здесь... А тебе Она останется, в память обо мне...

«В вечную память», — пришли на ум Катерине слова из песнопения об усопших, которые она слышала по окончании обычной литургии. Девушка испугалась своих мыслей, погнала их прочь, но вьюга за окном точно повторила печальный напев. «В вечную память, да помянет Господь Бог во царствии своем»...

Графиня уже не стонала, и лицо ее изменилось. Не было в нем той боли, тех мучений — напротив, она словно улыбалась и была такой же возвышенной и спокойной, как и Божья Матерь на иконе. Все смолкло — только часы по-прежнему мерно тикали, а на священный лик Богородицы капали непрерывные, горячие слезы...

ГЛАВА 1

Я яростно терла уже въевшееся в блузку темно-зеленое пятно, про себя проклиная тот момент, когда согласилась помочь Ленке с выбором подходящего платья для предстоящего торжества. «Ленка-француженка», как я зову ее, моя давняя подруга, с которой мы периодически общаемся. В последнее время, правда, мы видимся куда реже — то у меня работа, то у нее неотложные дела, однако время от времени мы вместе выбираемся куда-нибудь в кафе, опять же по инициативе Ленки. Несмотря на то что по долгу службы я общаюсь с огромным количеством людей, в обычной жизни я не стремлюсь с кем-то встречаться, предпочитая проводить свободные дни в одиночестве. Нет-нет, я не унылый интроверт-одиночка, как может показаться. Просто порой настолько устаю от людей, что хочется побыть одной,

почитать, скажем, хорошую книгу или посмотреть фильм. Но от приглашения подруги встретиться не отказываюсь — раз ей хочется, почему бы и нет? Правда, сегодня я совершила огромную ошибку, за которую сейчас и расплачиваюсь...

Все началось с вполне безобидного Ленкиного звонка. После обычного обмена приветствиями подружка поинтересовалась моими планами на сегодняшний день. Планов у меня никаких не было, о чем я неосторожно и сообщила Ленке.

— Отлично! — заявила та с энтузиазмом. — Тогда сможешь мне подобрать платье! Понимаешь, пригласили на коктейльную вечеринку, а я представления не имею, что надеть! Вот и решила пройтись по магазинам, а одной скучно... А ты как раз мне компанию составишь!

В принципе я прекрасно знала, что поход с Ленкой по магазинам затягивается надолго, однако раз подруга просит, ладно, так и быть, буду шляться с ней по бутикам. В конце концов, в настоящее время работы у меня пока нет, я абсолютно свободна, как говорится, до пятницы.

Но откуда мне было знать, что после того, как мы наконец-то подберем подходящий наряд, Ленка предложит забежать к ней домой «попить чаю», отпраздновать покупку? ■

Опять-таки, я согласилась, даже не подозревая, чем все это обернется.

Чай мы попили, попку, так сказать, обмыли. И в целом все могло бы закончиться неплохо, если бы не одно обстоятельство. С утра Ленке взбрело в голову побаловать семью домашними пирожками — готовит она их очень редко, а сегодня, поди ж ты, вздумала кашеварить. Подружка замесила тесто и оставила его набухать, а сама побежала на поиски платья. И когда мы уже допивали свой чай вприкуску с шоколадными конфетами, Ленка внезапно вспомнила про тесто.

— Ой, Танюш! — воскликнула она трагическим голосом. — Пирожки ж надо делать! Скоро Оля с Машкой придут из школы, я к их приходу хотела успеть! Кошмар, ничего не успеваю! Таня, выручай!

— Да ты что, я не умею готовить! — запротестовала я с ужасом. — Выбрать платье — это одно, но пирожки я при всем желании тебе не смогу помочь испечь. Я их в жизни не делала!

— Все когда-то случается в первый раз! — заявила подруга. — Ничего сложного, тесто-то я замесила. Надо попросту сделать начинку и налепить их, а потом — дело техники!

Я твердо решила отказаться от столь опасной затеи — заставить частного детекти-

ва Татьяну Иванову кашеварить — и сказала, что мне пора домой, работа ждет.

— Но ты же говорила, что свободна! — напомнила мне Ленка. — Танечка, ну пожалуйста, пожалуйста, помоги мне! Что хочешь для тебя сделаю, ну представь — придут мои девчонки из школы, им надо будет уроки помогать делать, и я вообще ничего не успею! У меня сегодня единственный выходной, потом снова занятия, и я так и не сделаю пирожки! А так хотелось! А то дочки и не подозревают, что их мама умеет готовить, представляешь, как они обрадуются? Я и тебе дам с собой, домашних! Где ты такие купишь?

Сопротивляться было бесполезно — Ленка работает учителем, и язык у нее подвешен так, что она ловко может заставить любого делать то, что ей нужно. Даже на меня распространялись ее чары, хотя я прекрасно знала об этом таланте подруги и могла принять хоть какие-то меры, дабы уклониться от навязываемых ею дел. Но что-то случилось со мной в тот день — решила, что с меня не убудет, если помогу Ленке наклепать ее злощастные пирожки, а потом со спокойной совестью поеду домой.

Эх, надо было мне послушаться свою интуицию и быстренько смотаться из Ленкиного дома. Но, увы, я осталась, и подружка запрягла меня вначале чистить картошку для